

Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 1. С. 15–26
North Caucasus Legal Vestnik. 2022;(1):15–26

Проблемы теории и истории права и государства

Научная статья

УДК 34.01

doi: 10.22394/2074-7306-2022-1-1-15-26

СТАНОВЛЕНИЕ НАУЧНОЙ КРИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ В XIX В. РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПОЛЕМИКЕ Б. Н. ЧИЧЕРИНА И В. С. СОЛОВЬЕВА О ПРАВЕ, НРАВСТВЕННОСТИ И ИХ СООТНОШЕНИИ

Дамир Юсуфович Шапсугов

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия,
shapsugov@yandex.ru

Аннотация. В статье показано становление научной критики на основе анализа научной полемики между двумя выдающимися учеными России XIX века – Б.Н. Чичериным и В.С. Соловьевым, создавшими и отстаивавшими собственные научные концепции мышления и познания, опираясь на которые они решали вопрос о понимании права и нравственности и их соотношении. Выделяются особенности научной критики в юриспруденции как разновидности аналитической деятельности, дается ее определение.

Ключевые слова: право, нравственность, научная критика, основания науки, свобода мысли, свобода воли, метафизика, чувственное познание, рационализм, критическая способность, непосредственное знание, опосредованное знание, вера, воображение, творчество, критическое мышление

Для цитирования: Шапсугов Д. Ю. Становление научной критики в российской юриспруденции в XIX в. Размышления о полемике Б. Н. Чичерина и В. С. Соловьева о праве, нравственности и их соотношении // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 1. С. 15–26. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-1-15-26>.

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

GENESIS OF SCIENTIFIC CRITICISM IN RUSSIAN JURISPRUDENCE IN THE XIX CENTURY. REFLECTIONS ON THE POLEMICS B. N. CHICHERIN AND V. S. SOLOVIEV ON LAW, MORALITY AND THEIR RELATIONSHIP

Damir Yu. Shapsugov

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, shapsugov@yandex.ru

Abstract. The article shows the formation of scientific criticism based on the analysis of scientific controversy between two outstanding Russian scientists of the XIX century – B.N. Chicherin and V.S. Soloviev, created and defended their scientific concepts of thinking and cognition, based on which they solved the issue of understanding law and morality and their relationship. As a kind of analytical activity, the features of scientific criticism in jurisprudence are singled out, its definition is given.

Keywords: law, morality, scientific criticism, science foundations, freedom of thought, freedom of will, metaphysics, sensory knowledge, rationalism, critical ability, direct knowledge, indirect knowledge, faith, imagination, creativity, critical thinking

For citation: Shapsugov D. Yu. Genesis of scientific criticism in Russian jurisprudence in the XIX century. Reflections on the polemics B. N. Chicherin and V. S. Soloviev on law, morality and their relationship. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(1):15–26. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-15-26>.

Основная задача критики показать в одном общем принципе единство практического разума со спекулятивным, так как в конце концов мы имеем дело с одним и тем же разумом, который должен иметь различия в применении.

И. Кант

Нравственная философия не есть эстетическая проповедь. Она не может довольствоваться исследованием фактов, ей нужна истина.

Нельзя вместо философии прибегать к мистике, приводящей к преобладанию субъективной фантазии над трезвой мыслью.

Надобно знать, что такое Душа и почему люди верят в ее бессмертие.

Нравственная философия возможна лишь на прочном фундаменте теоретической философии, без которой она остается произвольным построением.

Критикуя отвлеченные начала не стоит превращать Добро и Зло в реальных субъектов исторического процесса.

Насиловать формальную логику для выжимания из нее того, что хочется, все равно, что доить зайчиху, надеясь получить ведро коровьего молока.

«В действительности тут нет никакой логики, а есть только произвольное использование метафизических понятий и столь же произвольное приложение их к фактам». – *Б.Н. Чичерин о началах этики В.С. Соловьева.*

Отвергая метафизику, нельзя дать понятие разума.

Б.Н. Чичерин

Критика, которая оставляет в стороне действительную точку зрения разбираемого автора и его действительные выводы из нее, есть критика мнимая.

Безусловные и непоправимые криминальные приговоры, предполагая в судьях безусловное знание, свойственное только божеству, должны быть признаны нечестивыми и безумными.

Основание истины не в реальности познаваемого, а в разуме познающего.

Следует различать существенное познание и познание по существу. Первое есть достоверное внутреннее познание, непосредственно самого себя по принципу «мир есть мое представление». Второе есть познание внешнего мира как отношения предметов внешнего мира как к другому через аналогию и закон тождества.

Критическая способность есть умение сомневаться в своих мыслях и понимать чужие мысли.

Свобода, отделенная от необходимых способов своего осуществления, есть не принцип, а пустое слово.

Сейчас мистику называют чепухой, а Б.Н. Чичерин все, что он не знает.

В.С. Соловьев

Нравственность есть способ усвоения истины волей.

В.О. Ключевский

Научная критика является индикатором исследовательской культуры ученого.

Научная критика не решает вопрос об истине. Она лишь анализирует процесс ее установления, избегая оценки результатов научного исследования.

Научная критика анализирует весь процесс мышления и познания в его единстве, восходящем к основаниям и разуму. Мнимая критика ограничивается видимостью познаваемого, получаемой поверхностным мышлением.

Состояние рассудочной разделенности знания для нас становится естественным, обычным, а соединение его в целостность разумом – гениальным исключением.

Д.Ю. Шансугоев

Одной из причин, существенно тормозящих развитие юридической науки, является неразработанность института научной критики в научной литературе. И это несмотря на вполне обширный опыт ее применения, не обобщенный пока в определенной концепции. Особенно данное замечание характерно для российской юриспруденции XIX века, когда весьма интенсивно развивалась критическая мысль. Пиком ее развития стала развернувшаяся в конце XIX – начале XX века полемика между двумя бесспорно выдающимися учеными России этого периода – Б.Н. Чичериным и В.С. Соловьевым, в которой подверглись критическому анализу не отдельные инструменты познания и мышления, а фундаментальные основания научного знания и технологии его получения. При этом, Б.Н. Чичерин представлял высшую форму развития классического научного и юридического знания того времени, а В.С. Соловьев выступал одним из основателей неклассического [1] философского и юридического знания, опираясь на профессиональную критику самих оснований классического познания, пытавшегося осмыслить неизбежность появления новых оснований человеческого

знания, свидетельствующих о необходимости новых родов познания, обеспечивающих высокую достоверность получаемого на их основе знания. Естественно, что острая полемика таких выдающихся ученых не могла остаться вне поля зрения в философской и юридической науке как XIX в., так и в последующее время.

Издано много научных работ, в которых спор Б.Н. Чичерина и В.С. Соловьева рассматривается, прежде всего, с точки зрения истории философии. Но проблематика научной критики в аспекте ее становления в российской юриспруденции до сих пор не стала предметом самостоятельного изучения [2–9].

Научный спор двух выдающихся ученых России затрагивает массу принципиальных вопросов о содержании, форме, технологиях, границах, сущности, познавательной деятельности, подробное рассмотрение которых во всей их полноте невозможно в журнальной научной статье. Поэтому мы будем стремиться к выделению и анализу отдельных концептуальных положений, взаимным опровержением которых они создают предметное поле критики, с тем, чтобы на этом материале показать трудный процесс становления научной критики в отечественной юриспруденции, выделить ее особенности и функции в процессе познавательной деятельности. Соотношение права и нравственности – вопрос, разное решение которого стало источником их научной дискуссии, породившей вопрос о том, что есть нравственность и право, связано ли их познание с метафизикой, какой род познания позволяет найти истину при ответе на поставленный вопрос, что представляют собой разум, душа и свобода воли, и какова их роль в формировании нравственной философии, нравственности как действительного явления общественной жизни.

Сама постановка, обсуждение фундаментальных вопросов познания, вызванные необходимостью решения вопроса том, что есть право и нравственность и каково их соотношение, свидетельствовали о том, что фундаментальные вопросы познания права восходят к общенаучным и философским проблемам познания, а их неразработанность в юриспруденции – о зачаточном ее состоянии в России.

Хотя выдвинутая В.С. Соловьевым идея, что истина может быть обнаружена только в **непосредственном** слиянии предмета и познания, и что сущность познается не через опосредование непосредственности предмета в понятии, а затем и идеи, что было свойственно классическому философскому рационализму, а непосредственно через веру, воображение и реализуется через творчество, не стали признаваться как выражение общего закона познавательной деятельности, все же классическое понимание этого процесса было поколеблено самим фактом выдвижения новой, имеющей свою доказательную базу и определенную логическую стройность, концепцией.

Это обстоятельство стало мощным фактором для формулирования новых концепций познания, в том числе права и нравственности, что особенно интенсивно происходило в течение всего XX века (психологическая, социологическая, социалистическая, феноменологическая концепции права). Дело даже дошло до обоснования интуитивной концепции права М. Рейснера, по которой революционное правосознание было объявлено источником права в первые годы советской власти в качестве разновидности интуитивного права.

Основания для такого подхода к пониманию права были заложены в психологической концепции права Л.И. Петражицкого. Обоснованно был поставлен вопрос об основаниях в науке, в том числе и в юриспруденции, которые имеют принципиальное значение для формирования и осуществления действительной научной критики, до этого сводившейся в основном к внешним формам ее осуществления. Возникло осознание того, что проблема оснований формулирования научных концепций стала первостепенной для научной критики. Выявление этих оснований, анализ познавательных возможностей, заключенных в них, стал для научной критики, во-первых, условием понимания смыслового содержания научной концепции, без усвоения которой научная критика просто невозможна. Во-вторых, проблемы критики, благодаря их выявлению, перемещались из внешней формы познавательной деятельности к ее внутреннему содержанию. Всемерное содействие надлежаще организованному поиску научной истины, сопряженному с полным отказом от оценочных суждений результатов исследований и их авторов, становилось теперь главным критерием научности критики. Речь уже шла о поиске **гносеологических** оснований научных исследований и самой научной критики, их познавательных возможностей, фактически ставших предметом острой полемики двух выдающихся ученых России XIX века.

Научная критика здесь уже фактически выступала настоящей школой формирования профессиональных исследователей, способом объективной проверки возможностей существующих способов познания, формирования новых.

С этого времени научная критика приобрела право претендовать на статус неотъемлемого компонента исследовательского процесса. Возникла потребность в новой специальности – критика, требующая особой теоретической и практической подготовки, сформировавшейся уже давно в других отраслях знания, но до настоящего времени отсутствующая в перечне юридических профессий.

Значение полемики В.С. Соловьева и Б.Н. Чичерина для формирования научной критики состоит в том, что ее важным последствием была созданная ею возможность определения ее предметного поля, понимаемого как единство оснований, способов мышления и познания, результатов научного исследования.

Б.Н. Чичерин выступил как представитель классической концепции познания, опиравшейся на традиции, идущие от Аристотеля, Бэкона до Канта и Гегеля. Для этой традиции чувственное, опытное и рациональное познание представляет собой единый процесс познания, в котором выделяется несколько уровней всеобщности вплоть до получения полного, совершенного и в этом смысле абсолютного знания.

Б.Н. Чичерин не только хорошо знал историю политической и правовой мысли человечества, о чем свидетельствует написанный им 5-ти томный курс, до сих пор сохраняющий свою актуальность, но и вывел целостную концепцию (Закон) ее существования, в которой ярко была представлена классическая концепция политической и правовой мысли, основанная на методах эмпиризма и рационализма, объединенных им в обоснованном методе универсализма. Эмпирическим основанием этой концепции выступали: человек, индивид и выявленное конечное число форм человеческого общежития (семья, гражданское общество, государство, церковь), у которых определяется конечное число элементов (власть, закон, свобода, идея), выступающих критериями классификации учений. Впоследствии каждый из них становится основой для выявления группы учений, объявляемых постоянно существующими в любую эпоху, и все содержание истории политических и правовых учений укладывается в эти сконструированные им группы учений, повторяющиеся в разные эпохи, и получается, что эти учения не развиваются, а строго подчинены созданной схеме их существования. Выстраивается формально-логически стройная, замкнутая, классическая, самодостаточная система знания, становящаяся безусловным критерием для оценки другого знания и способов его производства (см. об этом: [10, с. 110–111; 11]).

Не только юридическая, но и философская наука России того времени, пожалуй, не знала научное обобщение такого уровня. Если к этому добавить фундаментальные труды Б.Н. Чичерина по истории права, конституционному праву, представительным учреждениям в России, исследования положительных наук, по существу философское завещание молодым ученым России «Об основаниях логики и метафизики», то становится абсолютно понятным, что есть все основания полагать, что Б.Н. Чичерин является законодателем моды на научное мышление в России в XIX веке.

В свете спора о праве и нравственности особое значение имеет то, что Б.Н. Чичерин исследовал фундаментальные концепции философии права, четко и обоснованно выдвинул исходную идею свободной личности как постоянного источника права, переходящей в человеческие союзы и развивающейся в них, становящейся ядром всей его философии права, отличавшейся существенной новизной. Его философия права является обоснованием и развертыванием этой идеи, опирающейся на огромный эмпирический материал, профессионально обобщенный в теоретическом (метафизическом) научном исследовании, включая необходимость разума и его перехода в практическую сферу через волю, понимаемую как способность разума осуществлять свои цели.

Б.Н. Чичерин действительно убежден в том, что он подвел итоги человеческому познанию, овладел истиной, исчерпав объективно существующие на данном этапе развития возможности его исследования, стал активно заниматься естественными науками и настолько преуспел в этом, что его новые заслуги в новой сфере были признаны самим Д.И. Менделеевым. Так, разумеется, весьма кратко можно обозначить научный потенциал, созданный Б.Н. Чичериным, ставший основой его критики концепции В.С. Соловьева, представленный в работе «О началах этики» [12].

Что же предлагал взамен этому классическому богатству познавательных идей В.С. Соловьев? Если говорить кратко, то речь шла о доказательстве абсолютизованности классической концепции познания и переводе ее действительных достижений в разряд второстепенных, обслуживающих его, новое, неклассическое понимание процесса познания, инструментов, технических средств.

В.С. Соловьев еще в «Критике отвлеченных начал» достаточно подробно и профессионально проанализировав в отдельности чувственное и рациональное познание, совершенно обоснованно пришел к выводу о неспособности каждого из них в отдельности установить истину. В отличие от Б.Н. Чичерина он, опираясь на этот вывод, приходит к необходимости поискать другой источник знания и находит его в вере, пытаясь дать этому переходу достаточно неубедительные объяснения, которые от него и не требовались в условиях господства религиозного мировоззрения.

Вполне понятно, что Б.Н. Чичерин, отметив научно-исследовательские способности В.С. Соловьева, не преминул подвергнуть его взгляды жесткой, иногда беспощадной критике. Ведь речь шла не только о защите собственных взглядов, а о пути, который по его убеждению, не только не ведет к истине, а уводит от нее.

Для понимания истоков нравственной философии В.С. Соловьева важное значение имеет «Критика отвлеченных начал» – его труд, содержанием которого является пересмотр различных начал, владеющих сознанием человечества и отражающихся в его жизни. Этот пересмотр он связывает с критичностью современной ему эпохи, когда исключительность и борьба между отдельными, обособившимися началами приближается к концу, приводит к осознанию, восприятию нового содержания – великому синтезу жизни, знания и творчества, воплощенному в их всеединстве [13].

Отвлеченные начала В.С. Соловьев определяет как те частные идеи (особые стороны и элементы всеединой идеи), отвлекаемые от целого и утверждаемые в своей исключительности, теряющие свой истинный характер и, вступая в противоречие и борьбу друг с другом, подвергают мир человеческий в состояние умственного разлада, в котором он до сих пор находится [13].

Критика отвлеченных начал (в отвлеченности своей ложных начал) должна состоять в определении их частичного значения и указании внутреннего противоречия, в которое они впадают, стремясь занять место целого, в устранении притязания частных принципов на значение целого, оставаясь на некотором положительном понятии того, что есть подлинно целое или всеединое. Идея всеединого – безусловный критерий, без которого невозможна никакая критика, определение истинного значения частных начал, как обособившихся элементов всеединого (целого) сообщает ему некоторое содержание. При этом он подчеркивает три части основных начал критики: этическую, гносеологическую, эстетическую, которую он в данной работе не рассматривает [13].

Этой теме посвящены другие работы и прежде всего «Оправдание добра», ставшее поводом для последующей полемики с Б.Н. Чичериным. Б.Н. Чичерин как сторонник рационализма не может не поставить вопрос о том, можно ли объяснить нравственные основы человека, не прибегая к метафизике. Его ответ – нет, не может. Ответ В.С. Соловьева – другой. Нравственная философия не наука о морали, а наука о добре как правде, о жизненном смысле, непосредственно воспринимаемом и затем оформляемом как знание и творчество (см. об этом: [1]).

В.С. Соловьев убежден, что эмпиризм, чувственное познание и рационализм не дают истину, в них нет ее главных признаков – безусловной реальности и безусловной рациональности как разумности. Этих признаков нет ни в отвлеченно эмпирическом, ни отвлеченно рациональном познании, ни в отвлеченной науке, ни в отвлеченной философии, дающими только относительную реальность (эмпиризм), относительную разумность (рационализм). Предмет истинного знания – не факт, не вещь, не природа вещей, не материал, не мир явлений, не система логически развивающихся понятий. Все эти отвлеченно-эмпирические и отвлеченно рациональные определения входят в состав истины как ее материальные и формальные признаки (подчеркнуто нами – Д.Ю. Шапсугов), но не составляют ее (истины) собственного существа, которое не дается ни данными опыта, ни понятием разума, оно не может быть сведено к фактическому ощущению, ни к логическому мышлению, оно есть сущее всеединое, познаваемое первое чувственного опыта и рационального мышления, в тройственном акте – веры, воображения и творчества, который предполагается всяким действительным познанием [13].

Таким образом, в основе истинного познания лежит вера, или религиозное восприятие, от которого только наше логическое получает свою безусловную разумность, а наш опыт – значение безусловной реальности.

«Создавая нравственную философию, – подчеркивает В.С. Соловьев, – разум только развивает на почве опыта изначально присущую ему идею добра (или, что тоже первоначальный факт нравственного сознания) и постольку не выходит из пределов внутренней своей области, или, говоря школьным языком, его употребление здесь имманентно и не обусловлено тем или другим решением вопроса о (трансцендентном) познании вещей самих по себе. Говоря проще, в нравственной философии мы изучаем только наше внутреннее отношение к нашим же собственным действиям, т.е. нечто бесспорно доступное нашему познанию, так как мы сами же это производим, причем остается в стороне вопрос, можем ли мы или нет познавать то, что находится в каких-нибудь независимых от нас сферах бытия» [9, с. 35].

На самом деле здесь мы обнаруживаем отсутствие перехода от чувственного и рационального в мышлении, рассматриваемых преимущественно отдельно, к разуму, снимающему не только их обособленность, но и веру, мораль, нравственность, религию, справедливость, равенство, выступающие как особенные формы применения разума, единого самого по себе, как подчеркивал И. Кант. Концепция В.С. Соловьева опиралась на его понимание критики чистого разума И. Канта, по которому в этой работе И. Кант опроверг возможность метафизики, а в критике практического разума создается этика, независимая ни от какой метафизики [14].

В.С. Соловьев по существу применяет тот же способ исследования и мышления, избирая главным принципом жизнедеятельности человека принцип Добра, так же как и Кант, а перед ним и Т. Гоббс, обосновывавший первым естественным законом стремление к миру, поскольку противоположная ему война ведет к самоуничтожению человечества. Известна, например, концепция почти современника В.С. Соловьева И. Бентама, получившего широкую известность не только в Англии, но и в России [15]. В его работе об основаниях нравственности и законодательстве был выдвинут принцип пользы, выражающий естественную природу человека и главенствующее значение которого в жизни людей нет нужды доказывать в силу его очевидности.

Схожая ситуация с В.С. Соловьевым, предлагающим иной общий принцип – Добра. Такая позиция имеет глубокие исторические корни. Еще Аристотель понятие цели рассматривал как проявление сущности предмета, которая реализуется в процессе человеческой деятельности, например, сущность дома усматривается им в том, что его строят как укрытие от непогоды. В процессе строительства отбираются материалы, определяются его форма, внутреннее устройство и т. д. в соответствии с этой сущностью.

Традиция выдвижения общего принципа (начала) проходит через всю историю политических и правовых учений. Справедливость, равенство, ответственность, свобода в этом же ряду. Принцип Добра не был изобретением В.С. Соловьева, он был провозглашен еще в древних учениях. Отталкиваясь от принципа Добра, он определяет его сущностные особенности в противоположность Злу, приходит к выводу, что для его господства в реальной жизни необходима принудительная организация Добра, что вызывает у Б.Н. Чичерина серьезные возражения, особенно в связи с тем, что это поручается государству.

Недостатки чувственного и рационального познания, которые неспособны обосновать объективное содержание Добра в отличие от Зла, обязывают, как он полагает, строить концепцию нравственности, так как это делали его предшественники, с учетом того, что вера человека в Добро и способность безусловно следовать ему в любых обстоятельствах прописана во всех священных книгах, определяющих во все возрастающей мере конкретное поведение людей. Надо лишь обобщить опыт такого поведения и извлечь из него конкретизирующие общий принцип Добра конкретные правила, формы деятельности, позволяющие сконструировать этическую концепцию как синтез нравственной жизни человека, в которую добро «впаяно» изначально и непосредственно.

Здесь важно подчеркнуть что, как нам представляется, Б.Н. Чичерин и В.С. Соловьев пытаются найти предметное основание своих концепций, одновременно рассматривая его в качестве гносеологического основания исследования. Хотя они оба свободу личности, свободу слова, свободу воли рассматривают как безусловные ценности, но не выходят за рамки естественно-правового их объяснения, фактически не воспринимают свободу мысли как гносеологическое основание мышления, познания, исследования, не учитывают гениального открытия Д. Локка о возможности несовпадения истины мысли и истины слова, признание чего потребовало бы другую логику и другую критику, чем те, которые традиционно используются

исследователями. Б.Н. Чичерин и В.С. Соловьев, каждый по своему, остаются в рамках сложившейся традиции.

Свобода мысли как гносеологическое основание критического мышления и исследования актуальна именно потому, что, как это показал И.П. Павлов [16], не содержит в себе предметного содержания предстоящего мышления и исследования, и поэтому исключает его неполноту, ограниченность, а выступает как способ, обеспечивающий свободный поиск истины в теоретическом исследовании конкретной предметной сферы. Этим определяется одна из главных задач научной критики – установить наличие или отсутствие свободы мысли, выявить характер «оков» в конкретном научном исследовании, ограничивающих свободный поиск истины, восхождение к сущности. Будучи установленной, истина становится исходным основанием практического разума и практической деятельности, которые опираясь на нее, позволяют человеку поставить перед собой разумно обоснованную цель, как это делает, например, И. Кант в работе «К вечному миру», полагая, что у человечества нет альтернативы миру, ибо война – путь к самоуничтожению. Поэтому обеспечение мира должно быть главной целью его организации и деятельности.

Ни Б.Н. Чичерин, рассматривавший право как обособленное социальное явление наряду с нравственностью, ни В.С. Соловьев, считавший право низшим порогом нравственности, ее минимумом, не отрицали их взаимосвязи, но не исчерпали возможности познания права и предметной сферы его существования, рассматривая его в обоих случаях обособленно-ограниченно, не охватили все его содержание и источники, из которых оно формируется. Они даже не рассматривали гегелевское положение о том, что в праве человек должен найти свой разум, полное, цельное, совершенное понимание которого охватывает в обобщенном виде все его проявления в религии, нравственности, морали, отличающейся от нравственности, в справедливости, равенстве, ответственности, в которых оно представлено опосредованно, но рассудочно-раздельно – их единая сущность, в которой обобщенно снимается их непосредственность в разуме человека, который согласно гегелевскому положению человек должен найти в праве. Но это уже другой, не реализованный ни Б.Н. Чичериным, ни В.С. Соловьевым возможный путь познания права, имеющий также все необходимые основания для своего существования и может быть, по крайней мере, гипотетически представлен в последующих исследованиях.

Взаимная критика Б.Н. Чичерина и В.С. Соловьева оказалась очень важным «разбором полетов» двух выдающихся мыслителей России XIX века, не завершившимся ни примирением точек зрения, ни абсолютной победой одной из них над другой. Сама эта взаимная критика создала предмет анализа для разработки концепции научной критики, который позволил сформулировать узловые пункты ее познания, ее гносеологические основания и технологические требования как особенной формы научной деятельности. В.С. Соловьев в «Критике отвлеченных начал» продемонстрировал не осознававшийся им тогда и выявленный в следующем веке «казус Арендт», названный «слепым пятном» в мышлении, когда мышление осознает границы своих возможностей и переходит к явлению веры в самом широком смысле слова (т.е. ею может оказаться и миф, и мнение, и общее чувство (здравый смысл) и убеждение, и «живая вера», и собственно религиозная вера, или, что совсем неожиданно и парадоксально, – беспредпосылочное начало, ученое незнание, интеллектуальная интуиция, мудрость и т.п.) [17, с. 238].

В.С. Соловьев на самом деле, может быть сам того не желая, показал недостаточность веры как выражения готовой, непосредственно воспринимаемой истины, воображения (дающего поверхностное представление о предмете), творчества (вряд ли допустимого в его трактовке этого термина в теоретическом поиске истины) в рациональном мышлении, ориентированном на поиск истины, тем более в эмпирическом опыте познания (что достаточно убедительно было уже обосновано в предшествующей истории познания, в том числе и религии) и их ведущую роль в сфере практического разума, где они на самом деле, возможно первее [13] чем эмпиризм, рационализм, универсализм, которые первее в теоретическом познании, поскольку имеют возможность опираться на установленную истину, и тем самым указал на возможность перехода между разными формами и разновидностями разума, хотя трудно согласиться с указанной им схемой расстановки приоритетов.

Вера, оформленная в святых книгах, имеет огромную силу воздействия, вызывает доверие людей, видимо потому, что значительная часть содержащегося в них знания составляет обобщенный положительный опыт человечества, закрепившийся в сознании людей как здравый смысл, вложенный в уста бога и пророков, следование которому ежедневно может оказываться оправданным. Тем самым происходит непосредственное отождествление генетического кода

человека, в котором заключена реальность его возможности, со смыслом, содержащимся в получаемом им знании, который непосредственно воспринимается человеком, не нуждающимся при этом в особых познавательных процедурах.

Можно предположить, что по В.С. Соловьеву, истина воспринимается непосредственно как изначально присущая разуму идея добра, и эта приверженность непосредственному знанию призвана обеспечить получение истинного знания без использования технологий для получения непосредственного и опосредованного знания, связанного с утратой непосредственности в процессе их получения, достоверность которого оказывается, по меньшей мере, сомнительной. В.С. Соловьев предлагает по существу новую концепцию познания, призванную заменить ставшую традиционной и включающую два рода познания – чувственное и рационализм. Подвергнув обстоятельному анализу оба эти рода познания в отдельности, он приходит, как уже отмечалось, к выводу об их ограниченности и неспособности установить истину: первое в силу недостоверности чувственного познания, доказанной уже предшествующими мыслителями, взгляды которых остались непровергнутыми, второе – в силу отвлеченности, абстрагированности рационализма, порывающего непосредственную связь с исследуемыми предметами и уже поэтому неспособного установить истину.

Непосредственное истинное знание, по его мнению, может дать только вера – третий род знания, процесс получения которого он раскрывает на примере формирования нравственной философии.

Таким образом, собственные выводы В.С. Соловьева и его концепция выглядят столь же безусловными и безапелляционными, каковыми для него выглядят выводы Б.Н. Чичерина. Оба не замечают ограниченности своих подходов к процессу познания, полагая, что истина за каждым из них в отдельности. Критика одних отвлеченных начал завершается торжеством других, еще более отвлеченных, чем критикуемые. Но кто из глубоких исследователей не попадал в такую ситуацию, становящуюся отправной точкой движения вперед для последующих исследователей?

Взаимная критика концепций Б.Н. Чичерина и В.С. Соловьева является видимостью научной критики, так как первый абсолютизирует рационализм и создает замкнутую систему знания, полагающую себя завершенной, а второй рассудочно трактует чувственное и рациональное познание, обосновывает их неспособность познать истину, игнорируя их единство, переходящее в разум, и предлагает взамен концепцию мышления и познания, основанную на непосредственном восприятии и случайном воображении, являющуюся, по определению Гегеля, поверхностным мышлением. Выявление, описание этих видимостей составляют их вклад в становление разумной научной критики.

В претензиях В.С. Соловьева на критику Б.Н. Чичерина не обнаруживается глубокое знание его научного творчества, которое скрывается за признанием его высоких научных заслуг, воспринимаемых В.С. Соловьевым через призму догматизма. Это обстоятельство в известной мере компенсирует не всегда обоснованное возмущение В.С. Соловьева критикой его концепции Б.Н. Чичериним и подтверждает тезис о видимости обеих критик, анализ которых дает серьезный материал для разработки концепций научной критики.

Исходя из своей концепции о соотношении нравственности и права, В.С. Соловьев сформулировал ряд конкретных непосредственных прав, без которых нравственное существование человека по его представлениям было бы невозможным. Видимо, именно эти права составляли тот минимум нравственности, который должен был обеспечить нравственное существование человека (право на благополучие, право не страдать, не быть больным, не терять ближнего, обладать любимой женщиной, иметь достаточно средств для исполнения своих желаний). Правоведение того времени действительно, как это подчеркивал Б.Н. Чичерин, не знало таких прав [12]. Но удивительное дело – правоведение последующего времени, а также законодательство разных стран и международное право, уже будут содержать конкретные разновидности прав человека, либо почти совпадающие со «списком» В.С. Соловьева, либо весьма близкие к ним по смыслу (например, право на охрану здоровья, на минимальную оплату труда и т.п.). «Произвольные построения» (термин Б.Н. Чичерина, употребляемый им для оценки концепции В.С. Соловьева) на деле оказывается едва ли не предвосхищением происшедшего практически в следующем XX веке выдающегося события – юридического закрепления новых конкретных, непосредственных прав человека (кроме уже закрепленного права на личную свободу, перечня прав человека, данного Б.Н. Чичериним), приведшего к появлению законодательства о правах человека и юридического механизма их защиты.

Признанное в философии права право на свободу как провозглашение общего содержания статуса человека оказалось явно недостаточным, потребовало раскрытия ее (свободы) содержания в развернутом «списке» конкретных, непосредственных прав человека, призванных обеспечить его достойное существование. Проблематика конкретных прав человека и их защиты в конце концов заняла свое необходимое и достойное место в правоведении. Заслуга В.С. Соловьева в постановке этого вопроса несомненна, несмотря на его отказ привносить метафизику в нравственную философию как отдельную науку.

В этом же ключе может быть рассмотрено мнение В.С. Соловьева о стыде как одном из начал нравственности, относимых Б.Н. Чичериным «к произвольным построениям». Это явление человеческой психики будет в последующем признано, правда в несколько ином истолковании, чем у В.С. Соловьева, в качестве цивилизационного ядра нравственности и образа жизни человека, названного «культурой стыда» (см. об этом: [18]). Воображение здесь оказалось пророческим видением будущего значения непосредственных прав человека, открытым, едва ли не впервые, статусом и значением стыда как ядра развивающейся культуры человека.

С позиций религиозной философии разум и рассудок не располагают необходимыми познавательными возможностями для того, чтобы проникнуть в суть абсолютных первоначал бытия. Отсюда одна из важнейших задач – преодоление той ограниченности, которую демонстрирует философский рационализм. Это удается религиозным мыслителям за счет апелляции к тем духовным резервам, которыми располагает индивидуальное и коллективное сверхсознание. Гносеология, основывающаяся на принципах иррационализма, отказывает разуму в праве первенствовать в познании мира и выдвигает альтернативные средства и способы его постижения, в числе которых находятся интуиция, подсознание, сверхсознание (см. об этом: [19, с. 165]).

Отрицая способность чувственного и рационального, познать истину, он как бы не замечает, что без них не может существовать никакая вера. Ведь сам бог рационален, создавая разумную действительность и требуя от людей жить в ней. Фактически бог становится разновидностью соединения чувственного и рационального только в формате религиозной философии, на самом деле лишь особым образом вбирающей в себя оправдавший себя опыт человечества, который фактически выступает как достаточно надежная опора для утверждения веры как специфического единства чувственности и рационализма, выражаемого понятием религиозного разума.

Неслучайно соотношение науки и религии часто трактуется таким образом, что смысл жизни дает религия, т.е. любовь к богу и ближнему. Наука не в состоянии дать его (смысл жизни). «Наука дает нам знание фактов, вскрывает противоречия, связывает явления и исправляет обманы наших чувств и представлений. Но где и как начинается, куда и как ведет кривая мира и нашей собственной жизни, кривая, которой она показывает лишь некоторую часть – на это второе наука не дает ответ» [20, с. 25].

Здесь по существу описана схема укоренения сущности непосредственно в вере. Сущность «схватывается» воображением и реализуется в творчестве. Отличие от классической схемы выявления сущности здесь состоит в том, что в классической схеме сущность предмета не может «схватываться» непосредственно в представлении, рассудке в силу ограниченности их познавательных возможностей, что признается и В.С. Соловьевым в его «Критике отвлеченных начал».

Познание сущности по классической схеме возможно через «опосредование» в форме понятий, посредством которых непосредственность переходит через «снятие» непосредственности и ее сохранение в обобщенном понятии, последовательное расширение объема которого при уменьшении его содержания позволяет выразить сущность в наиболее полном формате в идее, представляющей собой высшее знание – истину, освобожденную от непосредственности единичного и ставшую всеобщим, в котором представлено единичное и особенное, но в «снятом» виде.

В.С. Соловьев в понимании права и нравственности не видел единства, фактически помещая первое во второе (минимум нравственности), что было связано с необоснованным решением вопроса о соотношении свободы воли и нравственности. На указанное единство свободы воли и нравственности обращал внимание В.О. Ключевский, предлагавший «различать способ усвоения истины сознанием и волей. Для сознания достаточно известного усилия мысли и памяти, чтобы понять и запомнить истину. Но этого очень мало, чтобы сделать истину руководительницей воли, направительницей жизни целых сообществ. Для этого нужно

облечь истину в формы, в обряды, в целое устройство, которое непрерывным потоком надлежащих впечатлений приводило бы наши мысли в известный порядок, наше чувство в известное настроение, долбило бы и размягчало нашу грубую волю и таким образом, посредством непрерывного упражнения и навыка, превращало бы требования истины в привычную нравственную потребность, в произвольное влечение воли Сколько прекрасных истин, озарявших дух человеческий и способных осветить и согреть людское общежитие, погибло бесследно для него, только потому, что они не успели вовремя облечься в такое устройство и помощью его не были достаточно разучены людьми!» [21, с. 66].

Очевидным недостатком схемы В.С. Соловьева является фактически простое постулирование положения о «вложенности» сущности предмета в веру, которое вряд ли можно считать доказанным и объясняемым способом, отдающим мистицизмом, за что он и получил соответствующие упреки от оппонентов. В.С. Соловьев доказывает ограниченность чувственного и рационального каждого в отдельности, отказываясь рассматривать их как разные ступени единого процесса познания. Так же отдельно они содействуют оформлению, внешнему формулированию сущности, уже содержащейся в вере посредством воображения и реализуемой потом в творчестве.

Позитивным здесь является то, что В.С. Соловьев вполне обоснованно указывает действительный недостаток классической схемы, в которой отсутствуют конкретные механизмы учета, обобщенно говоря, подсознательного, исследование которого только начиналось, а результаты его еще не могли быть приняты во внимание в обобщающих концепциях познания. В отличие от В.С. Соловьева, Б.Н. Чичерин, по видимости, четко осознавал такую необходимость, лично перейдя на исследования в сфере естественных наук, получившие признание выдающихся ученых России того времени. Вера, воображение и творчество, бесспорно, участвуют в процессе познания, но вместо конкретного анализа их роли в нем В.С. Соловьев абсолютизировал их значение в процессе познания, превратил их в главные компоненты этого процесса. Но его подход не стал определяющим направлением дальнейшего развития познавательной деятельности. Новый путь познания был объявлен, но в историю мысли он не вошел как единственный путь, который ведет к истине.

Оба выдающихся ученых проявили непреклонное упорство в отстаивании своих точек зрения, убедительно продемонстрировали недопустимость по существу грубых, но внешне выглядящих утонченными, оценок личности и профессиональных качеств друг друга. В.С. Соловьев объявляет выдающегося коллегу Б.Н. Чичерина как «многогранно образованного и многознающего из всех русских, а может быть и европейских ученых нашего времени ... при уме догматического склада, не столько пытливым и различающим, сколько систематизирующим и распределяющим, так сказать «распорядительном», при характере решительном и самоуверенном, имело неизбежным последствием атрофирование критической способности» [14], с чем конечно очень трудно согласиться.

В свою очередь, Б.Н. Чичерин выявляет в концепции В.С. Соловьева рассудочные основания, отсутствие понимания значения разума в научном познании. Относительную обоснованность этого упрека обнаруживает ответ В.С. Соловьева на этот вопрос, состоящий в утверждении, что уже 2000 лет известно, что есть разум, всем, кто знает формальную логику Аристотеля.

Ответом на эту реакцию В.С. Соловьева является оригинальное высказывание Б.Н. Чичерина: «Насиловать формальную логику для выжимания из нее того, что хочется, все равно, что доить зайчиху, надеясь получить ведро коровьего молока» [12].

Взаимной критикой концепций познания Б.Н. Чичерина и В.С. Соловьева было обнаружено противопоставление этики как теоретической науки (метафизики) и этики как разновидности непосредственного знания о добре – высшей нравственной ценности, якобы присущей человеку, изначально в естественном состоянии как состоянии стыда, совести, сущность которых не нуждается в познании в силу ее изначальной заданности, которую с помощью чувственного и рационального познания можно оформить, более четко вычленив, чтобы получить понятное, достоверное (непосредственное знание). Б.Н. Чичерин – сторонник движения познания к сущности, через обобщающие понятия к идее, воспринимаемой практически разумом как своим основанием, развертываемым в практической деятельности человека в качестве реализуемой истины на практике. Формула «материя – душа – разум» для него есть выражение оснований метафизики. В.С. Соловьев исходным считает непосредственное обнаружение сущности в вере, даваемое воображением и реализующееся в творчестве.

Мы наблюдаем два рода познания, которые имеют свою логику понимания возникновение знания в формате истины или заблуждения. Научная критика призвана зафиксировать путь получения в каждом из них знания. Дальнейшая задача – изучение сложившегося знания – новые научные исследования оснований и технологий познания, применяемых в подвергшихся критике научных исследованиях, т.е. решение задачи уже самой наукой, а не критикой.

Данная полемика позволяет сделать вывод – научная критика есть разновидность аналитической деятельности в сфере науки по выявлению структуры и системы научного исследования, определению возможностей познавательных средств и способов их взаимодействия для установления их соотносимости с полученным результатом.

Спор Б. Н. Чичерина и В. С. Соловьева показал несовместимость целого ряда примененных ими приемов с научной критикой, все же слабый критический потенциал спорящих, «переходящих на личности», готовых «возвеличить» малейший промах оппонента в ранг невежества, либо отсутствие достаточного профессионализма. Необходимо признать, что эти приемы не только не исчезли из научных произведений последующих авторов, часто оставаясь свидетельствами ненаучной критики, убедительными доказательствами их внутренней пустоты и бесполезности. Одновременно стало очевидным, что избавляясь от таких атавизмов, необходимо продолжить поиск путей познания истины. Возможность и необходимость научной критики как особой разновидности научной деятельности, благодаря их научному диалогу, объявила себя во всей полноте, поставив на повестку дня вопрос о ее институциональном оформлении.

Список источников

1. Кацапова И.А. Дискуссия о природе права и ее осмысление в истории философско-правовой мысли // Гуманитарные научные исследования. 2011. Декабрь 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2011/12/387>
2. Белов В. Н. Спор В. С. Соловьева и Б.Н. Чичерина: кантианские вариации // Философские традиции и современность. 2013. № 2 (4). С. 52–64.
3. Петров А. Б., Баскакова А. М. Нравственное право: традиции и современность // Приволжский научный вестник. 2015. № 11 (51). С. 102–106.
4. Костин Ю. В. Опыт осмысления соотношения права и нравственности в философии права дореволюционной России второй половины XIX – начала XX веков // Философия права. 2007. № 3 (23). С. 17–20.
5. Прибыткова Е.А. Несвоевременный современник: философия права В.С. Соловьева. М., 2010. 480 с.
6. Катенина Н. В. Закон нравственный и закон юридический в философско-правовом учении Б. Н. Чичерина // Вопросы философии. 2011. № 2. С. 139–150.
7. Доброхотов А. Л. Антиномия права и нравственности в философии права В.С. Соловьева // Сущность и право. Сборник политических статей к юбилею профессора Н.В. Мотрошиловой. М., 2009. С. 530–540.
8. Соловьев В. С. Оправдание добра. Нравственная философия. 1857.
9. Соловьев В. С. Право и нравственность. Очерки из прикладной этики. 1897.
10. Шапсугов Д. Ю. О тождестве и единстве онтологии, гносеологии и методологии в правовом познании / В кн.: Шапсугов Д. Ю. Познавая благо, себя и мир. Ростов-на-Дону, 2014. 384 с.
11. Чичерин Б. Н. История политических учений в 5-ти томах. Т. 1. Введение.
12. Чичерин. Б.Н. О началах этики // Вопросы философии и психологии. 1897. № 4.
13. Соловьев В. С. Критика отвлеченных начал. Электронный ресурс. <https://predanie.ru/book/220168-kritika-otvlechennyh-nachal/>
14. Соловьев В. С. Мнимая критика (ответ Б.Н. Чичерину). Электронный ресурс. http://www.odinblago.ru/soloviev_8/5
15. Шапсугов Д. Ю. О позитивистских основаниях нравственности и законодательства. Размышления, вызванные памфлетом В.Ф. Одоевского «Город без имени» // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. №4. С. 132–141.
16. Павлов И. П. Об уме вообще, о русском уме в частности Электронный ресурс. <https://r7.rbook.top/book/11523267/read/>
17. Кузин И. «Слепое пятно» политического мышления Ханны Арендт // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 2. С. 221–252.
18. Супатаев М. А. К проблематике цивилизационного подхода к праву: очерки общей теории и практики. М.: Юрлитинформ, 2012. 143 с.

19. Протоиерей Александр Федосеев. Язвы расколов. М.: Форум, 2008. 287 с.
20. Бокханов А. Российская империя. Образ и смысл. М.: ФИВ, 2012. 589 с.
21. Ключевский В. О. Тетрадь с афоризмами. М., 2001. 432 с.

References

1. Katsapova I. A. Discussion about the nature of law and its understanding in the history of philosophical and legal thought. *Humanitarian scientific research*. 2011. December 2011 Available from: URL: <http://human.snauka.ru/2011/12/387> (In Russ.)
2. Belov V. N. Dispute V. S. Solovyova and B. N. Chicherina: Cantian variations. *Philosophical traditions and modernity*. 2013;2(4):52–64. (In Russ.)
3. Petrov A. B., Baskakova A. M. Moral law: tradition and modernity. *Volga Scientific Bulletin*. 2015;11(51):102–106. (In Russ.)
4. Kostin Yu. V. Experience in understanding the relationship of law and morality in the philosophy of law of pre-revolutionary Russia of the second half of the XIX – early XX centuries. *Philosophy of law*. 2007;3(23):17–20. (In Russ.)
5. Pribytkova E. A. Untimely contemporary: the philosophy of law V.S. Solovyov. Moscow; 2010. 480 p. (In Russ.)
6. Katenina N.V. The law of morality and law is legal in the philosophical and legal doctrine of B. N. Chicherin. *Questions of philosophy*. 2011;(2):139–150. (In Russ.)
7. Dobrokhotov A. L. Antinomy of law and morality in the philosophy of law V.S. Solovyov. In: *Essence and law. A collection of political articles on the anniversary of Professor N.V. Motroshilova*. Moscow; 2009:530–540. (In Russ.)
8. Soloviev V. S. *Justification of good. Moral philosophy*. 1857. (In Russ.)
9. Soloviev V. S. *Law and morality. Essays from applied ethics*. 1897. (In Russ.)
10. Shapsugov D. Yu. On the identity and unity of ontology, gnoseology and methodology in legal knowledge. In: Shapsugov D. Yu. *Knowing the good, yourself and the world*. Rostov-on-Don, 2014. 384 p. (In Russ.)
11. Chicherin B. N. *History of political teachings in 5 volumes*. T. 1. Introduction. (In Russ.)
12. Chicherin. B. N. On the principles of ethics. *Questions of philosophy and psychology*. 1897;(4). (In Russ.)
13. Soloviev V. S. *Criticism of the distracted began*. Available from: <https://predanie.ru/book/220168-kritika-otvlechennyh-nachal/> (In Russ.)
14. Soloviev V. S. Imaginary criticism (response to B.N. Chicherin). Available from: http://www.odinblago.ru/soloviev_8/5 (In Russ.)
15. Shapsugov D. Yu. On positivist grounds of morality and legislation. Reflections caused by the pamphlet of V.F. Odoevsky "City without a name". *North Caucasus Legal Vestnik*. 2018;(4):132–141. (In Russ.)
16. Pavlov I. P. *About the mind in general, about the Russian mind in particular* Electronic resource. <https://r7.rbook.top/book/11523267/read/> (In Russ.)
17. Cousin I. "Blind Spot" of Political Thinking by Hannah Arendt. *Sociological Review*. 2017;16(2):221–252. (In Russ.)
18. Supataev M. A. On the problems of a civilizational approach to law: essays on general theory and practice. Moscow: Yurlitinform; 2012. 143 p. (In Russ.)
19. Archpriest Alexander Fedoseev. *Sores of splits*. Moscow: Forum; 2008. 287 p. (In Russ.)
20. Bokhanov A. *Russian Empire. Image and meaning*. Moscow: FIVE; 2012. 589 p. (In Russ.)
21. Klyuchevsky V. O. *Notebook with aphorisms*. Moscow; 2001. 432 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Д. Ю. Шапсугов – заслуженный юрист РФ, докт. юрид. наук, проф., директор центра правовых исследований, научный руководитель школы правового мышления.

Information about the author

D. Yu. Shapsugov – Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Lawyer Sciences, Prof., Director of the Center for Legal Research, Supervisor of the School of Legal Thinking.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 28.02.2022; одобрена после рецензирования 14.03.2022; принята к публикации 15.03.2022.

The article was submitted 28.02.2022; approved after reviewing 14.03.2022; accepted for publication 15.03.2022.